

НЕ ОТРЕКАЮТСЯ ЛЮБЯ?: ЖЕНЫ СОВЕТСКИХ «НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ» И БРЕМЯ МОРАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЫБОРА¹

Попов Алексей Дмитриевич

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия
popalex79@mail.ru

Пивоваров Никита Юрьевич

Первый Московский государственный медицинский
университет им. И.М. Сеченова
(Сеченовский университет),
Москва, Россия
pivovarov.hist@gmail.com

Аннотация. В статье на материале отдельных кейсов, относящихся ко второй половине 1950-х–первой половине 1960-х гг. и связанных с некоторыми советскими «невозвращенцами» тех лет (сотрудник органов госбезопасности Юрий Носенко, научный работник Алексей Голуб, писатель Александр Чейшвили) рассмотрен вопрос о взаимосвязи политико-идеологических установок и семейных ценностей в советском обществе периода «оттепели». На основе анализа ранее не введенных в научный оборот архивных документов и опубликованных источников авторы утверждают, что верность супругу и верность Родине рассматривались в тесной взаимосвязи как непротиворечивые и вызывающие общественное одобрение модели ожидаемого поведения. Ситуация невозвращения из-за рубежа, которая на официальном уровне трактовалась как измена Родине, требовала от жен «невозвращенцев» отречения от своих брачных партнеров, которые фактически рассматривались как «двойные изменники» (даже несмотря на отсутствие ситуации адюльтера с их стороны). Кроме того, несмотря на самое позитивное отношение к институту брака и семейным ценностям в СССР, не вызывало никакого сомнения, что в случае морально-идеологического конфликта личные чувства необходимо было подчинять политическим интересам страны в их официальной трактовке.

Ключевые слова: «невозвращенец», брак, семья, супружеская измена, идеология, мораль, власть, «холодная война», СССР.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00218.

DO NOT RENOUNCE WHEN YOU IN LOVE: WIVES OF SOVIET DEFECTORS AND THE BURDEN OF THE MORAL AND IDEOLOGICAL CHOICE

Popov Alexey D.

Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia
popalex79@mail.ru

Pivovarov Nikita Yu.

Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia
pivovarov.hist@gmail.com

Abstract. In the article based on the material of some cases related to the second half of the 1950s–the first half of the 1960s and associated with some Soviet “defectors” of those years (state security officer Yuri Nosenko, researcher Alexei Golub, writer Alexander Cheishvili), the issue of the relationship between political and ideological attitudes and family values in Soviet society during the “thaw” period is considered. Based on the analysis of archival documents previously not introduced into scientific circulation and published sources, the authors confirm that loyalty to the spouse and loyalty to the Motherland were considered in close coordination as consistent and causing public approval of the model of expected behavior. The situation of defectors from abroad, which at the official level was interpreted as treason to the Motherland, demanded that the wives of the “defectors” renounce their marriage partners, who were actually considered as “double traitors” (even despite the absence of an adulterer situation on their part). In addition, despite the most positive attitude towards the institution of marriage and family values in the USSR, there was no doubt that in the event of a moral and ideological conflict, personal feelings had to be subordinated to the political interests of the country, and in their official interpretation.

Keywords: defector, marriage, family, adultery, ideology, morality, power, Cold War, USSR.

Цитирование: Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Не отрекаются любя?: жены советских «невозвращенцев» и бремя морально-идеологического выбора // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 60–75. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-60-75 / Popov A.D., Pivovarov N.Yu. Do Not Renounce When You in Love: Wives of Soviet Defectors and the Burden of the Moral and Ideological Choice, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 4. Pp. 60–75. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-60-75.

© Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., 2022

Феномен «невозвращенцев», то есть персональных акторов, которые по каким-либо соображениям добровольно отказались вернуться на Родину после легального посещения зарубежных стран, не является исключительно советским. Однако именно в СССР на протяжении всего периода его существования факты отказа возвращаться из-за границы приобретали ярко выраженный политико-идеологический контекст, вызывали предельно негативную реакцию властных структур. Кроме того, кардинальным образом менялась судьба самих «невозвращенцев», а определенные отрицательные последствия часто проявлялись также для их родственников, друзей, коллег и даже лично незнакомых с ними лиц, если они умышленно или неумышленно способствовали возникновению ситуации невозвращения.

Такие резонансные ситуации в Советском Союзе впервые стали предметом активного обсуждения в конце 1920-х гг., когда несколько десятков дипломатов, торговых представителей и ученых отказались возвращаться из-за рубежа. Одной из ответных мер заградительного характера, реализованной советскими органами власти в связи с этим нежелательным явлением, стало принятие постановления ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г., по которому «перебежчики» (под которыми понимались все граждане, отказавшиеся возвращаться из-за границы) объявлялись вне закона и подлежали расстрелу в течение 24 часов после того, как они попадут в руки советского правосудия. Данный нормативный акт в западной прессе того времени получил название «закон Беседовского» («Lex Bessedovsky»), что было связано с резонансным случаем советского дипломата, советника полпредства СССР во Франции Григория Зиновьевича Беседовского, который в октябре 1929 г. обратился к французским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Причем, воспользовавшись некоторым замешательством других сотрудников советской дипломатической миссии в Париже, он также смог безопасно эвакуировать с территории посольства свою супругу и 9-летнего сына, которые на тот момент вместе с ним находились за рубежом [Генис, 2012, с. 5, 20–21].

Несколько позже в советской прессе было названо общее количество советских «невозвращенцев» второй половины 1920-х гг., хотя в последующие десятилетия такого рода статистическая информация получила гриф «Совершенно секретно» и частично стала известной лишь в начале 2000-х гг.. В 1926 г. количество советских «невозвращенцев» составило 38 чел., в 1927 г. – 26 чел., в 1928 г. – 32 чел., в 1929 г. – 65 чел. В основном это были граждане СССР, которые, как и Беседовский, в силу своей профессиональной деятельности продолжительное время находились за рубежом. Озвучивший эти цифры в одном из своих докладов С. Орджоникидзе прокомментировал их в том духе, что данные лица «не выдержали разлагающей буржуазной обстановки» [Доклад..., 1930, с. 2]. Не случайно во второй половине 1920-х–первой половине 1930-х гг. было принято несколько решений, направленных на повышение эффективности деятельности Комиссии по выездам при ЦК ВКП(б), которая в масштабах всей страны должна была «отфильтровывать» потенциально склонных к невозвращению и морально неустойчивых советских граждан,

претендующих на выезд за рубеж [см.: Зеленов, Пивоваров, 2020, с. 139–140; Орлов, 2019, с. 93–95].

Учитывая политический контекст, в советский период сформировалось два крайних полюса в морально-этической оценке актов невозвращения, каждый из которых проявился и в дискурсивном поле. В рамках критически-обличительного подхода термин «невозвращенец» был синонимичен и взаимозаменяем с такими резко негативными понятиями, как «предатель», «перебежчик», «изменник [Родины]». В Уголовном кодексе РСФСР образца 1960 г. среди особо опасных государственных преступлений называлась «измена Родине» (статья 64). Согласно действовавшей вплоть до 1990-х гг. формулировке данной статьи «отказ возвращаться из-за границы в СССР» и «бегство за границу» ставились в один ряд с переходом на сторону врага, шпионажем, выдачей государственной или военной тайны иностранному государству, заговором с целью захвата государственной власти. За все эти деяния виновные могли быть приговорены к высшей мере наказания – смертной казни. Впрочем, относительно «невозвращенцев» делалось уточнение, что данная статья применялась к ним в том случае, когда их действия «имели политическую окраску», прямо или косвенно наносили ущерб интересам СССР [Контрразведывательный словарь, 1972, с. 117–119].

Для классификации «отказа от возвращения» как измены Родине важно было также наличие доказательств осознанности деяния фигуранта и признание его дееспособности. Это было связано с тем, что в условиях «холодной войны» имели место случаи похищения иностранными спецслужбами советских граждан за границей, а также ситуации, когда действия, которые можно было трактовать как попытку невозвращения, совершали несовершеннолетние или лица, страдающие психическими расстройствами. Например, в 1955 г. большой международный резонанс приобрел случай Валерия Лысикова, являвшегося сыном офицера Советской Армии, проходившего службу на территории Восточной Германии. При невыясненных обстоятельствах 16-летний школьник оказался в американском секторе Западного Берлина и якобы обратился с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Советская сторона достаточно продолжительное время вела переговоры о его возвращении, делая акцент именно на том, что он является несовершеннолетним и его бегство связано исключительно со стрессовой ситуацией после получения низкой оценки в школе. В итоге данный вопрос был решен положительно, но только после того, как Министр обороны СССР Г.К. Жуков написал личное письмо-просьбу Президенту США Д. Эйзенхауэру, апеллируя к их давнему знакомству и совместной деятельности в рамках антигитлеровской коалиции [Георгий Жуков, 2001, с. 42]. В данном случае никаких юридических последствий для Валерия Лысикова его поступок не имел.

В то же время, в либерально-диссидентской среде часто использовался альтернативный и позитивно окрашенный термин «выбравший свободу» (глагол. форма – «выбрать свободу»), распространению которого способствовала публикация во второй половине 1940-х гг. на Западе книги Виктора Кравченко «Я выбрал свободу» («I

Chose Freedom») [Kravchenko, 1946]. Автор этой книги получил известность после того, как не только остался на постоянное жительство в США, но и стал участником резонансного судебного процесса, во время которого юридически защищал справедливость высказанных им обвинений по отношению к сталинскому режиму.

В позднесоветский период, несмотря на резкое увеличение масштабов международных связей Советского Союза по разным каналам, число «невозвращенцев» оставалось сопоставимым с уже упоминавшимся периодом второй половины 1920-х гг. и не превышало нескольких десятков человек в год. Так, согласно годовым отчетам КГБ, направляемым в ЦК КПСС с грифом «Совершенно секретно», в 1975 г. количество «невозвращенцев» составило 27 чел., в 1976 г. – 34 чел., в 1977 г. – 18 чел., в 1980 г. – 35 чел., в 1981 г. – 29 чел. и в 1982 г. – 46 чел. [Власть и диссиденты, 2006, с. 111, 157, 194, 235, 244, 254]. Однако, поскольку среди относительно немногочисленных «невозвращенцев» были известные личности – писатели (А. Кузнецов), режиссеры (А. Тарковский), артисты театра и кино (О. Видов, С. Крамаров), представители других творческих профессий (М. Барышников, Г. Вишневецкая, Н. Макарова, М. Ростропович и др.), спортсмены (шахматист В. Корчной, фигуристы Л. Белоусова и О. Протопопов, хоккеисты А. Могильный и С. Федоров), то данная тема очень широко обсуждалась не только на страницах прессы, где подавалась в ангажированном и цензурированном виде, но и на уровне частных разговоров. Одним из результатов такого общественного интереса стало возникновение большого количества анекдотов, явно гиперболизовавших масштабы невозвращения советских граждан, оказавшихся за «железным занавесом» (например: «Уезжает в США Большой Государственный оркестр, а возвращается Камерный ансамбль» или «Новый девиз Большого театра – “Будем ездить – до последнего!”» [Мельниченко, 2014, с. 422].

В данной статье на конкретных примерах, относящихся ко второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., жизненные траектории ряда советских «невозвращенцев» будут рассмотрены через призму брачно-семейных отношений. Данный период характеризовался значительным увеличением количества советских граждан, выезжавших в зарубежные командировки и туристические поездки, что было прямым результатом реализуемой Н.С. Хрущевым политики глобального «культурного наступления». Однако имелся и побочный эффект – расширился контингент потенциальных «невозвращенцев», хотя данное явление тогда еще не было настолько рутинизировано и мифологизировано в общественном сознании, как в 1970–1980-е гг. Предполагается, что анализ нескольких конкретных кейсов, связанных с женами «невозвращенцев», будет способствовать определению некоторых устойчивых паттернов во взаимоотношениях органов власти и советских граждан, причем не только на институциональном, но также на моральном и экзистенциально-мировоззренческом уровнях. Основными источниками для этого станут ранее не введенные в научный оборот документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории.

ОТ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ ДО ИЗМЕНЫ РОДИНЕ

Для советского общественного дискурса было характерно (возможно лишь за исключением первых лет советской власти) декларирование консервативных семейных ценностей, подкрепленное идеологическими аргументами. Супружеская измена¹ трактовалась как один из шагов по разрушению не только любви и доверительных взаимоотношений между супругами, но также общественного строя и политического порядка. В этой логике вполне можно было утверждать, что «человек, который не верен своей семье, которым руководят похотливые, животные чувства, а не долг перед своей семьей, может завтра забыть свой долг и перед родиной» [цит. по: Зубкова, 1999, с. 125–126]. Именно поэтому факты нарушения супружеской верности, неупорядоченных интимных связей, разводов, если они становились известны членам Комиссии по выездам во время рассмотрения кандидатур для совершения поездок за рубеж, могли являться причиной отказа претендентам. Необходимый пакет документов на выезд включал в себя характеристику с места работы, которая в том числе должна была оценивать моральный облик потенциального вояжера [Орлов, Попов, 2016, с. 44–60].

Впрочем, несмотря на это, часть оказавшихся за рубежом советских людей явно дискредитировала идеализированный образ достойного гражданина СССР, в том числе проявляя «сексуальную распущенность» в ее достаточно консервативной советской трактовке [подробнее см.: Орлов, Попов, 2016, с. 195–255]. Однако имели место отдельные случаи, когда Советский Союз за рубежом представляли граждане, чье «грехопадение» выглядело особенно очевидным. В феврале 1964 г. член советской делегации на международной конференции по разоружению в Швейцарии, 37-летний Юрий Иванович Носенко, заявил о своем намерении остаться на Западе и попросил политического убежища в США, куда был тайно переправлен американскими спецслужбами. Также он публично заявил, что является сотрудником КГБ СССР и был направлен за рубеж для контрразведывательной работы, что привлекло к этому инциденту еще большее внимание средств массовой информации. 15 февраля 1964 г. в Вашингтоне состоялась встреча Носенко с работниками советского посольства, где он заявил следующее: «Моя работа давала мне возможность видеть глубже и больше, чем пишется в советских газетах. В силу всех обстоятельств, в здравом уме и без какого-либо давления извне я принял решение остаться на Западе» [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 415, л. 132].

Этот случай западная пресса называла крупным успехом американских спецслужб. Кадровый сотрудник центрального аппарата КГБ с 1953 г., капитан Ю.И. Носенко действительно являлся носителем очень ценной информации. В одном из секретных советских документов, связанных с расследованием этого дела, констатировалось, что измена Родине со стороны Носенко нанесло «политический ущерб

¹ Формализованный термин «супружеская измена» в СССР практически вытеснил имеющее религиозное происхождение понятие «прелюбодеяние» и заимствованное в дореволюционный период из французского языка и распространенное в высших слоях общества понятие «адюльтер».

нашей стране и большой урон органам госбезопасности» [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 415, л. 144]. Впрочем, самого офицера-«невозвращенца» сотрудники ЦРУ более двух лет держали в заключении, подозревая в «двойной игре». До сих пор не до конца выясненными остаются обстоятельства, в результате которых он оказался в США [Соколов, 2003]. Однако в контексте темы данной статьи интересны два аспекта. С одной стороны, проведенное после бегства Носенко на Запад расследование выявило многочисленные факты того, что задолго до своего невозвращения он «встал на путь морального и политического разложения» – «дважды вступал в брак и бросал свои семьи», сожительствовал и проводил время с женщинами легкого поведения, в том числе на конспиративных квартирах [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 415, л. 142–144]. Совершенный в 1964 г. акт измены Родине подавался как закономерный итог морально-нравственного падения Носенко, которому попустительствовал целый ряд его руководителей и коллег, потерявших чекистскую бдительность и «пренебрегавших партийными принципами подбора, расстановки и воспитания кадров»¹ [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 415, л. 143–146].

Но даже если дистанцироваться от оценки морального облика Носенко, следует констатировать, что любого состоящего в браке советского гражданина, оказавшегося за рубежом и совершившего акт измены Родине в форме невозвращения, советские органы власти и общественность склонны были рассматривать как «двойного изменника» (не только политического, но и семейного). Соответственно, ожидаемой реакцией на эту ситуацию оставшейся в СССР «второй половины» было осуждение супруга и решительное отмежевание от него. Со времен сталинских репрессий лучшим решением в данной ситуации считалось обращение в официальные инстанции, вплоть до первых лиц СССР. Поэтому не вызывает удивления, что в феврале 1964 г., получив информацию о том, что на уже упоминавшейся встрече с советскими дипломатами Ю.И. Носенко признал свое желание остаться в США, его ближайшие родственники (мать, брат, супруга и дети) написали письмо непосредственно Н.С. Хрущеву. В этом письме они выражали глубокое возмущение поступком некогда близкого им человека и сообщали, что «вычеркивают» этого врага Родины из своей семьи и из своей памяти [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 415, л. 136].

РАЗОШЛИСЬ, КАК В МОРЕ КОРАБЛИ

Известные нам источники свидетельствуют о том, что в советский период не приветствовался совместный выезд за рубеж обоих супругов, особенно в краткосрочные поездки. Видимо предполагалось, что в таком случае гипотетически повышался риск невозвращения, тогда как если один из супругов оставался на территории СССР, то это могло удерживать его брачного партнера от измены Родине, как по

¹ В ряде публикаций о Ю.И. Носенко его достаточно успешную карьеру в КГБ и отсутствие должной реакции на аморальное поведение связывают с покровительством со стороны отца – министра судостроительной промышленности СССР Ивана Исидоровича Носенко (правда, умершего еще в 1956 г.)

причине любви и привязанности, так и из-за страха ожидаемых негативных последствий для «второй половины» «невозвращенца» [Орлов, 2019, с. 100].

Впрочем, реальная жизнь иногда оказывалась сложнее умозрительных схем и совместная поездка за рубеж обоих супругов не только могла состояться, но и заканчивалась парадоксальным образом – один из них оставался на Западе, тогда как другой демонстрировал верность своей Родине. Так было, например, с кандидатом технических наук¹, младшим научным сотрудником одной из свердловских научно-исследовательских организаций, 35-летним Алексеем Илларионовичем Голубом, который в 1961 г. в составе группы уральской интеллигенции совершал зарубежную туристическую поездку в Бельгию, Нидерланды и Люксембург. 7 октября 1961 г., находясь в Амстердаме, он предложил своей супруге, кандидату химических наук Ирине Александровне Алексеевой, которая путешествовала вместе с ним, не возвращаться на Родину. Позже в своих показаниях для органов следствия Алексеева так описывала детали их судьбоносного амстердамского диалога: «Я его потрясла за плечи и сказала: “Ты приди в себя, что с тобой?” А он свое: “Не устраивай истерик, не плачь, спокойно. Я остаюсь, и ты останешься со мной. Я решил за себя и за тебя...”» [Обвинительное заключение..., 2006, с. 489].

Получив категорический отказ жены, Голуб «насильно завладел ее паспортом», после чего скрылся и уже не являлся в гостиницу, где проживали советские туристы. Паспорт Алексеевой Голуб передал местной полиции, которая требовала ее явки для пояснения ситуации, а советская сторона, опасаясь провокаций, не согласовывала это посещение. В итоге была организована успешная спецоперация по вывозу И.А. Алексеевой без удостоверяющих личность документов на борту самолета «Аэрофлота» вместе с остальными членами туристической группы, во время которой советские представители в буквальном смысле вступили в физическое противостояние² с голландской полицией в аэропорту Амстердама [Решительный протест..., 1961, с. 5; РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 988, л. 56–58].

Событие это вызвало большой информационный резонанс, как на Западе, так и в Советском Союзе. Министерством иностранных дел СССР была официально подана нота протеста на действия голландской стороны, отменено несколько групповых поездок советских граждан в Нидерланды по линии выездного туризма. После возвращения данной тургруппы в СССР была организована подготовка и публикация в газете «Известия» коллективного письма ее участников, в котором они высказали возмущение провокационными действиями голландских властей по отношению к Алексеевой [Беспрецедентная провокация..., 1961, с. 5].

¹ В ряде источников ошибочно указывается, что А.И. Голуб был кандидатом химических наук.

² В потасовке в аэропорту непосредственное участие принимал занимавший в то время должность посла СССР в Нидерландах Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко – известный советский государственный и партийный деятель, в годы Великой Отечественной войны – руководитель Центрального Штаба партизанского движения.

В ходе последовавшего расследования компетентными советскими органами выяснилось, что задолго до совершения этой поездки за рубеж А.И. Голуб «преклонялся перед буржуазным образом жизни, западной культурой, наукой», в кругу близких «высказывал свое раболепство перед иностранщиной». По показаниям самой Алексеевой и ее родственников¹, в разговорах с ними он неоднократно озвучивал крамольную мысль о том, что уровень жизни и покупательская способность населения в капиталистических странах выше, чем в Советском Союзе [Обвинительное заключение, 2006, с. 491]. Поскольку случай Голуба явно наносил политический ущерб СССР, а сам он в общении с представителями зарубежной прессы последовательно повторял «клеветнические измышления о советской действительности», к тому же пытался склонить к аналогичным действиям свою супругу, приговор суда был максимально суровым. В марте 1962 г. ученый-«невозвращенец» А.И. Голуб был заочно приговорен к высшей мере наказания — смертной казни с конфискацией всего личного имущества [Обвинительное заключение..., 2006, с. 495].

Впрочем, далее события развивались более чем неожиданно. Спустя буквально несколько месяцев после описанных событий А.И. Голуб добровольно явился в посольство СССР в Нидерландах и выразил желание вернуться на Родину. Естественно, что эту ситуацию было решено использовать для достижения интересов советской стороны. В апреле 1962 г. совместными усилиями МИД СССР и КГБ СССР в Москве была организована представительная пресс-конференция для советских и иностранных журналистов с участием А.И. Голуба и еще одного раскаявшегося туриста-«невозвращенца» Н.С. Вохмякова [РГАНИ, ф. 3, оп. 16, д. 78, л. 98–101]. Электромонтер одной из шахт г. Кизел Пермской области Н.С. Вохмяков, участник туристического круиза в 1961 г., во время посещения Рима покинул свою группу и попросил политического убежища в американском посольстве. Позднее он был перевезен на территорию ФРГ, где, по его словам, находился под постоянным контролем со стороны американских спецслужб в условиях, близких к тюремным, что в сочетании с моральным раскаянием и переоценкой ценностей побудило его вернуться в СССР [Что они увидели..., 1962, с. 4]. В одном из репортажей об этом мероприятии их морально-идеологические метания были описаны следующим образом: «очувившись лицом к лицу с волчьими повадками мира капитализма, где продается и покупается за наличный расчет все, что есть самое дорогое у человека, они, в конце концов, поняли, в какую пропасть толкнуло их преклонение перед мишурой западной пропаганды» [Что они увидели..., 1962, с. 4]. Оба фигуранта подробно описали журналистам свои злоключения и разочарования на Западе. В частности, А.И. Голуб заявил, что «только там, в Голландии, я понял, что мне дали Родина, любимая работа, коллектив, родные и близкие мне люди, которых я оставил в Советском Союзе. В таком положении я больше не мог оставаться на Западе, пришел в советское посольство и просил помочь возвратиться на Родину» [Что они увидели..., 1962, с. 4].

¹ В ходе расследования выяснилось, что мать Голуба умерла в 1937 г., отец погиб на фронте в 1942 г. Близких родственников (кроме как по линии жены) он не имел.

Интересно, что в этой пресс-конференции участвовала и И.А. Алексеева, которая еще раз рассказала о провокационных действиях по отношению к ней в Амстердаме и опровергла информацию отдельных зарубежных изданий о том, что якобы после возвращения в СССР имела какие-то проблемы из-за невозвращения своего супруга. В сети Интернет можно найти отдельные публицистические материалы, авторы которых без указания на источники информации, утверждают, что Алексеева собиралась остаться в Нидерландах вместе со своим мужем и была вывезена советскими представителями против своей воли [Лейбовичюс, 2018; Роковой перелет, 2021]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы, подписанные непосредственно руководившими КГБ СССР в тот период А.Н. Шелепиным и В.Е. Семичастным и адресованные в ЦК КПСС, свидетельствуют о достоверности той версии происходившего, которая описана в данной статье. Учитывая факт возвращения Голуба на Родину, его раскаяние и сотрудничество с советской стороной, судебный приговор ему был пересмотрен – смертная казнь была заменена на 6 лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях [Обвинительное заключение..., 2006, с. 495]. По некоторым сведениям, официально развод между Голубом и Алексеевой был оформлен тогда, когда он находился в лагере.

«НАДЕЮСЬ, ЧТО МОЯ СЕМЬЯ НЕ ПОСТРАДАЕТ...»

Выше были описаны случаи, характеризующиеся прямым разрывом семейных связей после невозвращения одного из супругов. Могло ли быть иначе? Для ответа на этот вопрос показателен случай советского писателя, переводчика, кандидата филологических наук Александра Николаевича Чейшвили, являвшегося Лауреатом Сталинской премии второй степени 1950 г. по литературе (номинация «Художественная проза») за соцреалистический роман «Лело» (1948). В ноябре 1958 г. 55-летний писатель А.Н. Чейшвили прибыл в ГДР как персонально приглашенный советский гость для участия в культурных мероприятиях, посвященных «Неделе книги». Однако после прилета в Восточный Берлин он несколько дней не выходил на связь ни с советскими представителями, ни с принимающей стороной. Только спустя несколько дней из западногерманских средств массовой информации стало известно, что Чейшвили смог попасть в Западный Берлин, откуда был переправлен на территорию ФРГ [РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 457, л. 115–116]. Сообщения в западной прессе лишь информировали об этом инциденте, сам писатель-«невозвращенец» около месяца воздерживался от каких-то публичных комментариев. Затем он дал ряд интервью, ни в одном из которых не допускал формулировок, которые можно было бы однозначно трактовать как антисоветские. Отвечая на вопрос зарубежных корреспондентов, не опасается ли он за судьбу оставшихся в СССР членов своей семьи, Чейшвили отвечал, что после смерти И.В. Сталина общественно-политическая обстановка изменилась и он полагает, что им ничего не угрожает [РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 585, л. 41].

16 декабря 1958 г. в Бонне состоялась встреча Чейшвили с представителями советского посольства, где он уклончиво ответил на предложения о добровольном возвращении в Советский Союз. При этом, по свидетельству участников встречи, писатель находился в подавленном, нервном состоянии, что предположительно было связано с его беспокойством за судьбу своей семьи. Семья эта состояла из жены – медицинского работника и двух сыновей-студентов в возрасте 25 и 17 лет. 27 декабря 1958 г. состоялась еще одна встреча Чейшвили с советским представителем, во время которой ему было передано письмо от его жены. После этого он расплакался и заявил о временном характере своего пребывания в ФРГ, «поскольку не может жить без Родины и семьи». На основе этой информации председатель КГБ А.Н. Шелепин констатировал необходимость продолжать оказывать на Чейшвили влияние с целью склонения к возвращению на Родину, используя для этого его родственные связи [РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 585, л. 24–25, 31–32].

Именно из-за такой стратегии советских органов госбезопасности, длительное время остававшийся в достаточно неопределенном положении за рубежом Чейшвили не был лишен возможности вести переписку со своей семьей в Тбилиси. Известно также, что он несколько раз разговаривал со своей супругой по телефону и в разговорах с ним, как и в письмах, она настойчиво требовала его немедленного возвращения домой, ссылаясь на трудное материальное положение. Также она жаловалась на вновь открывшиеся после его отъезда в Германию проблемы со здоровьем у всех членов его семьи – потерю слуха у себя, нервный срыв у старшего сына и внезапно выявленный туберкулез легких у младшего сына [РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 585, л. 155, 187, 210–211].

Однако А.И. Чейшвили оставался в ФРГ, публично декларируя идеи о том, что может лично способствовать культурному сближению Запада и социалистического лагеря, налаживанию мостов и контактов для преодоления конфронтации между ними. Из-за этого на страницах ряда зарубежных изданий его называли «идеалистом весьма редкого свойства», «красным миссионером» и т.д., а позже вообще встал вопрос о его психическом здоровье. Интерес к его фигуре был достаточно значителен. Периодически он получал возможность выступать с публичными лекциями о советской литературе и искусстве, обсуждать вопросы о сотрудничестве с немецкими книгоиздателями в качестве автора, переводчика, литературного редактора¹. При этом Чейшвили на протяжении нескольких лет регулярно контактировал с советскими представителями, обещая им свое «скорое возвращение» в СССР и декларируя намерение написать объективные книги о проблемах капитализма на основе личных наблюдений – роман «Каждый живет для себя» и публицистическую книгу «Запад, как я его вижу» [РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 585, л. 155, 195].

Сознательно находясь в такой неоднозначной, неопределенной ситуации, осенью 1959 г. А.И. Чейшвили передает в СССР письмо, адресованное непосредственно

¹ Чейшвили прекрасно владел английским, немецким, французским языками, что значительно облегчало его коммуникацию за рубежом.

Н.С. Хрущеву. В письме он, в частности, потребовал от советского лидера материально поддержать его находящуюся в Тбилиси семью и дать ей возможность в полном составе посетить его в Западной Германии. В противном случае он угрожал изменить свою публичную риторику на антисоветскую [РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 585, л. 199–200, 213–220]. Руководство КГБ СССР, держащее на контроле всю эту долгоиграющую историю, не рекомендовало выполнять данные требования писателя-«невозвращенца», свою жену и детей он так и не увидел. Сам он, судя по тексту письма Хрущеву, вполне отдавал себе отчет, что история о внезапной болезни всех членов его семьи и их материальных затруднениях вполне могла являться лишь уловкой советских спецслужб, направленной на то, чтобы вернуть его на Родину до завершения «культурной миссии» по примирению двух систем.

А.Н. Чейшвили оставался в Западной Германии вплоть до своей смерти от сердечного приступа 6 сентября 1962 г. По всей видимости, до этого времени продолжалась и его переписка с семьей. На Родине как литературный автор он был практически забыт, его книги в Советском Союзе после 1958 г. не издавались и не распространялись через книготорговую сеть [Список книг..., 1981, с. 109]. В советской прессе о бывшем сталинском лауреате, сбежавшем на Запад, вспомнили лишь один раз. Со ссылкой на некрологи, появившиеся в немецкой прессе после смерти писателя, а также на его письма сыну, констатировалось, что Чейшвили «так и не смог найти своего места в нынешней Европе, представлявшейся ему в ином свете, нежели этого ожидал гуманистически образованный... поклонник Гете», «остро почувствовал, насколько безжизненно и бездушно это общество» [Мачавариани, 1964, с. 4].

* * *

Описанные нами примеры свидетельствуют, что во взаимоотношениях власти и советских граждан институт брака и семьи был настолько тесно интегрирован с политико-идеологическим контуром, что верность супругу и верность Родине, как модели ожидаемого поведения, рассматривались в диалектической взаимосвязи. В идеале «двойная верность» семье и стране являлась непротиворечивой и должны была проявляться одновременно. Однако когда имела место ситуация невозвращения, которая трактовалась как измена Родине, то общество склонно было видеть в этом «двойную измену» со стороны «невозвращенца», что накладывало определенные морально-идеологические обязательства на его брачного партнера независимо от характера личных отношений между ними. С точки зрения советского государства и патриотически настроенной общественности, несмотря на самое позитивное отношение к институту брака и семейных ценностей, не вызывало никакого сомнения, что в случае морально-идеологического конфликта личные чувства необходимо было подчинять политическим интересам страны. В этой логике абсолютно естественным и непротиворечивым является официально задокументированное отречение супруги Носенко от своего мужа. Супруга ученого-«невозвращенца» Голуба, отвергнув предложение вместе с ним остаться на Западе, в глазах советской общественности совершила абсолютно правильный выбор, схожий, например, с выбором жен декабристов, последовавших за ними в

Сибирь. Такая несколько парадоксальная логика была обусловлена следующим: если политический режим оценивается позитивно, то гражданские обязательства выше брачно-семейных (случай Алексеевой), тогда как при негативной оценке политического режима следовало пренебречь им и поставить верность супругу на более высокую ступень (случай жен декабристов). В условиях ожидаемого однозначного выбора примиренческие попытки лавировать и сохранить семейные отношения после политико-идеологического разрыва в государством (случай Чейшвили) нарушали принцип «двойной верности»/«двойной измены», а потому были малоэффективными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Беспрецедентная провокация голландской полиции. Письмо группы советских туристов // *Известия*. 14 октября 1961. С. 5.

Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС. Подготовка текста и коммент.: А.А. Макаров, Н.В. Костенко, Г.В. Кузовкин. М.: Московская Хельсинская Группа, 2006. 282 с.

Генис В.Л. Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933): опыт документального исследования: в 2-х книгах. Кн. 2. «Третья эмиграция» (1929–1933). М.: [Б. и.], 2012. 816 с.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 2001. 820 с.

Доклад тов. Орджоникидзе // *Известия*. 5 июля 1930. С. 2.

Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948–5 октября 1952. Справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 776 с.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с.

Контрразведовательный словарь. М.: Тип. Научно-издательского отдела Высшей Краснознаменной школы КГБ при Совете Министров СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1972. 371 с.

Лейбовичус Х. Ответ писаке (2018). URL: <https://proza.ru/2018/11/16/671> (дата обращения – 10 августа 2022 г.)

Мачавариани В. И снова – в лужу! // *Литературная газета*. 14 марта 1964. С. 4.

Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1103 с.

Обвинительное заключение по делу «невозвращенца» А.И. Голуба // *Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6-ти тт. Т. 2. (Свердловская область, 1942–1985)*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 489–495.

Орлов И.Б. «Отклонить без объяснений»: партийный контроль над выездом советских граждан за границу // *Отечественная история*. 2019. № 5. С. 92–107.

Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 351 с.

Решительный протест правительству Нидерландов // *Известия*. 14 октября 1961. С. 5.

Роковой перелет Москва-Амстердам и обратно (2021). URL: <https://dzen.ru/media/id/5e00f9b0d7859b00b1aaeadc/rokovoi-perelet-moskvaamsterdam-i-obratno-60cb890bc79dfd4b404870c9> (дата обращения – 10 августа 2022 г.).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 12. Д. 457.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 988.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 78.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 415.

РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 585.

Соколов А.А. Юрий Носенко и ЦРУ: похищение или предательство? (2003). URL: <http://www.historia.ru/2003/03/sokolov.htm> (дата обращения – 10 августа 2022 г.).

Список книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети: Библиографический указатель. М.: Книга, 1981. 119 с.

Что они увидели за фасадом «свободного мира» // *Правда*. 19 апреля 1962. С. 4.

Kravchenko V. I Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official. London: Robert Hale Limited, 1947. 479 p.

REFERENCES

Bespretsedentnaya provokatsiya gollandskoi politzii. Pis'mo gruppy sovetskikh turistov [An unprecedented provocation by Dutch police. The letter from a group of Soviet tourists], in *Izvestiya*. 14 October 1961. P. 5 (in Russian).

Vlast' i dissidenty: iz dokumentov KGB i TsK KPSS [Power and dissidents: from the documents of the KGB and the Central Committee of the CPSU]. Podgotovka teksta i koment.: A.A. Makarov, N.V. Kostenko, G.V. Kuzovkin. Moscow: Moskovskaya Khel'sinskaya Gruppy, 2006. 282 p. (in Russian).

Doklad tov. Ordzhonikidze [The report by com. Ordzhonikidze], in *Izvestiya*. 5 July 1930. P. 2 (in Russian).

Genis V.L. *Nevernye slugi rezhima. Pervye sovetskie nevozvrashchentsy (1920–1933): opyt dokumental'nogo issledovaniya* [Unfaithful servants of the regime. First Soviet defectors (1920–1933): documentary research experience]: v 2-kh knigakh. Kn. 2. "Tret'ya emigratsiya" (1929–1933). Moscow: [N. n.], 2012. 816 p. (in Russian).

Georgii Zhukov. *Stenogramma oktyabr'skogo (1957 g.) plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty* [Georgiy Zhukov. Transcript of the October (1957) plenum of the Central Committee of the CPSU and other documents]. Moscow: MFD, 2001. 820 p. (in Russian).

Zelenov M.V., Pivovarov N.Yu. *Apparat TsK VKP(b): struktura, funktsii, kadry. 10 iyulya 1948–5 oktyabrya 1952* [Apparatus of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks: structure, functions, personnel. July 10, 1948–October 5, 1952]. Spravochnik. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 776 p. (in Russian).

Zubkova E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 1999. 229 p. (in Russian).

Kontrrazvedovatel'nyi slovar' [Counterintelligence Dictionary]. Moscow: Tip. Nauchno-izdatel'skogo otdela Vysshei Krasnoznamennoi shkoly KGB pri Sovete Ministrov SSSR im. F.E. Dzerzhinskogo, 1972. 371 p. (in Russian).

Leibovichus Kh. *Otvet pisake* [The answer to the writer] (2018). Available at: <https://proza.ru/2018/11/16/671> (accessed 10 August 2022).

Machavariani V. I snova – v luzhu! [And again – in a puddle!], in *Literaturnaya gazeta*. 14 March 1964. P. 4 (in Russian).

Mel'nichenko M. *Sovetskij anekdot (ukazatel' sjuzhetov)* [Soviet joke (index of plots)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 1103 p. (in Russian).

Obvinitel'noe zaklyuchenie po delu "nevozvrashchentsa" A.I. Goluba [Indictment in the case of defector A.I. Golub], in *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1917–1985: Dokumenty i materialy v 6-ti tt. T. 2. (Sverdlovskaya oblast', 1942–1985)* [Society and power. Russian province. 1917–1985: Documents and materials in 6 vols. Vol. 2. (Sverdlovsk region, 1942–1985)]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2006. Pp. 489–495 (in Russian).

Orlov I.B. "Otklonit' bez ob'yasnenii": partiinyi kontrol' nad vyezdom sovetskikh grazhdan za granitsu ["Reject without explanation": party control over the departure of Soviet citizens abroad], in *Otechestvennaya istoriya*. 2019. No. 5. Pp. 92–107 (in Russian).

Orlov I.B., Popov A.D. *Skvoz' "zheleznyi zhanes"*. *Russo turista: sovetskii vyezdnoi turizm, 1955–1991* [Through the Iron Curtain. Russo turista: Soviet outbound tourism, 1955–1991]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 351 p. (in Russian).

Reshitel'nyi protest pravitel'stvu Niderlandov [Strong protest against the Netherlands government], in *Izvestiya*. 14 October 1961. P. 5 (in Russian).

Rokovoi perelet Moskva-Amsterdam i obratno [Fatal flight Moscow-Amsterdam turnaround] (2021). Available at: <https://dzen.ru/media/id/5e00f9b0d7859b00b1aaeadc/rokovoi-perelet-moskvaamsterdam-i-obratno-60cb890bc79dfd4b404870c9> (accessed 10 August 2022).

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 3. Inv. 12. D. 457.

RGANI. F. 3. Inv. 12. D. 988.

RGANI. F. 3. Inv. 16. D. 78.

RGANI. F. 3. Inv. 16. D. 415.

RGANI. F. 4. Inv. 16. D. 585.

Sokolov A.A. *Yurii Nosenko i TsRU: pokhishchenie ili predatel'stvo?* [Yuri Nosenko and the CIA: abduction or betrayal?] (2003). Available at: <http://www.historia.ru/2003/03/sokolov.htm> (accessed 10 August 2022).

Spisok knig, ne podlezhashchikh rasprostraneniyu v knigotorgovoi seti: Bibliograficheskii ukazatel' [List of books which are not distributed in the bookselling network: Bibliographic index]. Moscow: Kniga, 1981. 119 p. (in Russian).

Chto oni uvideli za fasadom "svobodnogo mira" [What they saw behind the facade of the "free world"], in *Pravda*. 19 April 1962. P. 4 (in Russian).

Kravchenko V. *I Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official*. London: Robert Hale Limited, 1947. 479 p.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.